

По стихотворению Евг. Евтушенко «Сватовство»,
с огромным уважением к автору

— Мам! — Нюша забежала в кухню, держа в руках учебник по чтению. — Ну мам же! Давай мне помогать!

Мама накрыла крышкой аппетитно скворчащую сковороду и, отирая руки о фартук, повернулась к дочке.

— Ну что у тебя там опять? Яблоки с грушами?

— Нет, нет, не математика, я там уже всё сама...

— Ой ли? — с сомнением покачала головой мама. — Так уж и всё? Так уж и сама?

Нюша торопливо закивала:

— Всё-всё-превсё, правда-правда, и бабушка уже видела!

— А, ну, если бабушка, тогда понятно. И что всё, и что совсем сама...

Нюша хихикнула, но напора не ослабила:

— Ну смотри же, у нас тут какое задание-то: народные разговорки! Смешнющие такие, а есть и вовсе непонятные!

— Какие ещё разговорки?

Мама заглянула в раскрытый учебник, который оказался уже на кухонном столе.

— Поговорки, Нюша, по-го-вор-ки.

— Так я и говорю же! — Нюша ткнула пальцем в страницу. — Смотри: «Нашла коса на камень»! Неправильная разговорка, надо: коса нашла камень.

Правда же? Только как это делается? Надо голову низко наклонять, что ли?

И она моментально сложилась пополам, уткнувшись носом в колени, чтобы косичка свесилась до самых тапочек.

— Ох, Нюшка, всё ты перепутала, — рассмеялась мама. — Эх ты, городская жительница! Коса — это... ну, такая, которой траву косят. Помнишь, на газонах дядя Феликс косил?

Нюша помнила. Тогда во дворе сладко-душисто пахло, и она выпросила у бабушки старую накидку с кресла, чтобы расстелить её прямо среди срезанной ароматной травы и валяться сколько захочется. Ну и в куклы заодно поиграть, ясное дело.

Понемногу разобрались ещё с тремя поговорками. Тут уже и баба Лида подошла на кухню, собравшись испить чайку. В этот момент дело дошло до совсем уже непонятной строчки.

— «Ноги мыть — воду пить», — прочитала Нюша. — Это что за бяка такая? Разве можно? Фу-у-у!

И она сморщилась вся и даже пальцы растопырила и затрясла ими изо всех сил: мол, вот какая гадость написана. Мама спорить с ней не стала, сказала, что действительно приятного здесь мало и значит это унижительное подчинение. Слов таких Нюша толком не поняла, но уловила, что мама с ней согласна, и поэтому стала от души кривляться, выпучивая глаза, высовывая язык и даже издавая не слишком подходящие для кухни звуки, за что тут же получила от мамы строгое замечание.

А вот баба Лида отреагировала на эту разговорку совсем неожиданно. Она не только не заругала не в меру разошедшуюся внучку, но как-то вдруг замерла и тихотихо так, словно разом ослабели у неё ноги, опустилась на табуретку возле плиты. И лицо у неё сделалось то ли удивлённое, то ли грустное, а рука принялась теребить верхнюю пуговицу на старенькой любимой кофте.

Нюша ещё достраивала последнюю гримасу, с трудом утихомириваясь, и внимания на бабушку как-то толком не обратила, зато мама сразу встревожилась:

— Что такое? Что?.. Сердце?.. — и потянулась уже к полочке, на которой стоит погнутая металлическая банка из-под печенья со всякими пузырьками и таблетками.

Но баба Лида махнула рукой и сказала, что нет-нет, всё нормально. А потом, помолчав немного, совсем тихо произнесла:

— Нет, доча, неправду ты сказала. Не унижительное. Бывает так, что и не унижительное совсем... — тут она помедлила, подбирая слова. — Бывает такое... и совсем наоборот... совсем...

И таким необычным тоном она это сказала, что даже Нюша замерла на месте. Правда, ненадолго, потому что нужно же было сию секунду узнать, что это такое баба Лида вспомнила и как же это может быть не противно — пить какую-то грязную помывочную воду!

Баба Лида попросила маму налить ей чайку покрепче (мама нахмурилась было, но бабушка так строго повторила: покрепче! — что мама безо всяких споров добавила ей в чашку хорошую порцию свежей заварки) и снова задумалась. Мама пошла к плите — проверять, как там дожаривается картошка, а Нюша поскорее уселась на табуретку напротив бабушки, упёрла локти в стол и удобно пристроила на переплетённых пальцах подбородок. Очень ловко было так сидеть и ждать, что же такое скажет баба Лида про странную разговорку, написанную в учебнике!

А баба Лида отпила глоток чая, взглянула на замершую напротив внучку, и лицо у неё сразу сделалось обычное, не задумчивое и не удивлённое, а просто немножко грустное. И, поглядывая то на Нюшу, то на повернувшуюся к ней маму, а то и просто куда-то мимо Нюши в окно, начала она рассказывать такую историю:

— ...Было это, девочки, давно. И сама-то я этого не знала — не видела, а вот была у нас соседка, Таисия, это ещё на старой-то квартире (тут мама покивала головой: мол, как же, помнит эту Таисию-соседку)... Она сама из глубинки была, откуда-то с Байкала, посёлок там какой-то, не упомнилось мне название... да и неважно. Таёжный край, диковатый. И вот — военное время. Значит, ребятам в армию уходить, призыв. Сибиряки-то хорошие солдаты всегда были, сильные, небалованные, да и стрелки-охотники, это уж у них в крови... да. А Таисия тогда девчонкой была, лет одиннадцати, что ли. И сестра Анна у неё была старшая, девушка уже, на выданье...

— Как это? — встряла тут Нюша. — Какое такое выданье?

— Невеста она уже была. Замуж её выдавали, вот такое выданье.

Это Нюша отлично понимала: про замуж они с подружками давно играли, делали куклам марлевые шикарные платья и драгоценные украшения из фольги. Очень красивые свадьбы получались, вот только в женихах вечно оказывались всякие случайные фигуры: то Женечкин негритёнок Томми, то Ларискин Айболит в треснутых очках и со страшным шприцем в двигающейся заводной руке, а то и вовсе Наташин одноглазый Бармалей с огромными кулачищами...

А бабушка уже продолжала:

— ...И вот пришла повестка её жениху. Через три дня — на поезд, да и прямо на фронт. Сорок второй год... страшный год, не приведи Господи!

Она покачала головой, прижала к губам морщинистую руку, вздохнула глубоко. И Нюша тоже головой покачала: если уж самой бабушке страшно, значит, действительно страшный был год.

— Ну что делать? Решили свадьбу играть. Много их тогда было, свадеб-то таких: сегодня за стол, погуляли, ночь прошла — и прощай, солдат. А там он прямиком

под пули, молодой, необстрелянный... Считай, повезло, если ранят, а чаще всего — одна похоронка и останется молодой жене. Ну, когда ещё и ребёночек, конечно...

Это Ньюше было ужасно интересно: как выбирали, кому достанется ребёночек, а кому нет,— но что-то в лице мамы подсказало ей, что с вопросами сейчас лучше не вступать.

— И вот Таисия рассказывала, что в их краях ещё старый обычай был такой: должна была невеста при родителях, при всей родне обмыть своему суженому ноги, а потом испить той воды. Вроде как тогда докажет она всем, что готова быть женой, верной и послушной.

Нюша ахнула: вот это да! А если он босиком придёт? Или в грязных сандалиях без носков? Хотя, опять же, жених обязательно всегда в красивом костюме и блестящих ботинках! Но всё равно, мало ли...

— И вот назавтра же назначили родители это самое... сватовство. Чтоб по всем правилам, как положено, хоть и второпях. Таисия рассказывала: я Аннушку спрашиваю, как ты да что, рада ли... а она только плачет всё, да так плачет, словно не под венец ей идти, а на похороны. Вот так. А уж любила она своего Ивана, так любила...

Бабушка замолчала, взяла чашку и стала потихоньку пить уже остывший чай, а свободная рука её опять принялась крутить злосчастную пуговицу.

— Вот ведь как,— задумчиво произнесла она, аккуратно поставив пустую чашку на стол.— Рассказывала мне Таисия, как это всё было, а я ни той Аннушки, ни того Вани видом не видывала, а так у меня впечаталось всё это в душу, словно бы сама там рядом стояла да и смотрела во все глаза.

И баба Люда, чуть прищурившись, как бы вглядываясь в её одной видимую картину, продолжила свой рассказ, уже не прерываясь:

— Утром, как уговорено, приходят сваты. Ну, там свои у них правила, я подробностей не знаю, а Таисия

не обсказывала. А вот дошло дело и до этого обычая, с водой. Ставится, значит, табурет посреди комнаты, и садится на него жених. Одет он, конечно, как положено, в самое лучшее, что можно было найти по тому времени: брючата там приличные, пиджак, рубаха... Сапоги начищенные, со скрипом. Портянки новые, само собой. Портянки, Ньюша, это тряпицы такие, в них ногу туго-туго, как младенчика в пелёнки, заматывали; это вместо носков, так уж раньше ходили. Ну вот, посадили Ивана на этот табурет, и сидит он. А родня, дружки-подружки — все по стеночкам стоят, ждут. И вот выходит Аннушка из соседней комнаты, занавесочкой отгороженной. Тоже наряженная, конечно. Платье шерстяное. Платок материн выходной на плечах. А на ногах валеночки новенькие, дело-то зимой было. Таисия говорила, что показалась она ей тогда красивей, чем Матерь Божия на иконе... вот прямо так она мне и сказала. И, мол, несёт сестра в руках таз с водой, а я даже не знаю, где и у кого его и взяли-то, никогда у нас в доме не было такого: большой, новый, весь расписанный какими-то невиданными цветами, яркими-яркими! Несёт она его, ступает медленно, а все, как зачарованные, смотрят, как вода колышется: влево-вправо, влево-вправо... Опускает Аня таз на пол, дрогнули руки — тяжело всё-таки! — выплеснулось немного на пол, на половик, там всё ими застелено было... и такой вздох по комнате прошёл, прямо слышно было. А Аннушка поставила таз, отодвинула его чуть в сторону и встала перед Иваном на колени. Тот покраснел, как маков цвет, и растерянно так на своих оглядывается. А мать ему жестами подсказывает: подними, мол, ногу-то. Он и поднимает. А Аня двумя руками за сапог — и стянула. Потом другой. Портянки размотала и аккуратно так поверх голенищ сложила, словно каждый день так жениха своего разувала. Закатала она ему брючины под колени,

пододвинула таз и, прямо как ребёнку, ноги — сначала одну, потом другую — приподняла и в воду поставила. И мыть их начала ладошками. Ласково-ласково, едва касаясь. А тишина стоит такая, что слышно, как вода всплёскивает, когда Аннушка её горсточкой зачерпывает! И ещё — кап-кап-кап. Откуда? А это она голову низко опустила, лица не видно, а из глаз слёзы, капля за каплей, крупные, сверкающие... кап-кап... А Иван сидит как окаменелый, не шелохнётся. И только вижу, говорила Таисия, как с виска у него струйка пота течёт. Течёт — по щеке и за воротник. А я, мол, наоборот, вся дрожу, выстудили избу-то, пока такой толпой входили, двери нараспашку! И этот пот, что у него по лицу бежал, поразил меня тогда невероятно... Посмотрела я, говорит, на остальных, стоящих вокруг, а у кого слёзы текут, кто губы закусил, а мать Ивана так просто обеими руками рот себе зажимает, словно еле-еле крик сдерживает... А невеста в последний раз ноги жениха водой обласкала, наклонилась ещё ниже над тазом, пригоршней воду зачерпнула — и ко рту подносит. Медленно-медленно, и так пальцы у неё сжаты, что ни капельки из полной горсти обратно в таз не падает! И выпивает эту воду, запрокидывая лицо кверху, а лицо всё мокрое от слёз, и они, слёзы-то, прямо к губам её и бегут... А она новую горсть зачерпывает и пьёт, да так пьёт, словно драгоценнейший в мире напиток! Вот тут-то Иван и не выдержал. Соскочил со своего табурета, схватил её в охапку — только ойкнула! — и на своё место усадил. Встал перед ней на колени, вот как только что она сама стояла, сдёрнул у неё валенки с ног — да уж не так, как она с него сапоги, а швырнул их в сторону, не глядя! И вот моет он ей ноги...

Тут баба Лида замолчала и посмотрела на Ньюшу. Девочка сидела, замерев и широко-широко распахнув глаза, словно вглядываясь в ту давнюю-предавнюю картину, которую описывала ей сейчас бабушка.

— Таисия сказала мне,— заговорила баба Лида, не отрывая глаз от внучки,— что никогда после она не видела такой нежности в мужских руках. Даже в самых... в общем, почти никогда. Только когда её муж в первый раз их сыночка купал, Никитку...

— Это Никиту Григорьевича? — отчего-то улыбувшись, спросила мама.

— Ну да. Это сейчас он уже лысый и с палочкой, а когда-то дядя Никита был малюсеньким ребятёночком,— тоже улыбаясь, заметила баба Лида.— И его папа, когда в самый-самый первый раз купал его в ванночке, так боялся его выпустить и при этом сделать больно своими огромными руками, что держал и мыл его нежно-нежно... И вот так же мыл ноги своей невесты Иван. Ставил себе на ладонь — и каждый пальчик... А когда вымыл, он подхватил этот чудесный цветастый таз, встал, выпрямился и стал пить воду! И всем было слышно, как он зубами прихватил край таза, чтобы удобнее было держать... И глотал, глотал... А вода текла у него по груди. А он всё пил, закрыв глаза. Воду, омывшую ноги его любимой. Омывшую ноги любящих друг друга... Это было в сорок втором году. Накануне отправки на фронт, с которого он так никогда и не вернулся.

— Почему? — закричала Нюша.

Она точно знала, что никогда и ни за что не могли убить на войне этого самого Ваню, который так любил Аннушку и которого так любила она!

— Потому что была страшная война, Нюша. Потому что такие мальчики, как он, защищали нашу Родину. Потому что без них погибли бы мы все. И его Аннушка. И Верочка, которая родилась потом, когда его уже не было на этом свете. Между прочим, у этой Верочки... у Веры Ивановны... родились два сыночка-близнеца. И у них сейчас тоже есть дети. Это уже Ванины правнуки, понимаешь?

Это, конечно же, было понятно: дети, внуки, правнуки. И всё же это было совершенно невозможно: ведь Ваня и Аня, молодые и невероятно красивые, вот только что были живы и объяснялись друг другу в любви с помощью чудесного таза, полного волшебной воды... и это было так похоже на сказку, в которой все обязательно живут долго и счастливо, и если уж и умирают, то непременно в один день, чтоб не горевать друг о друге!..

...А мама — она всё понимает, потому что это Мама. Мама присела на корточки перед Ньюшей, глотающей разом подступившие горькие слёзы, и сказала, очень серьёзно глядя ей в глаза:

— На День Победы мы пойдём с тобой на аллею Героев, да? Мы возьмём цветы. Самые красивые, какие сможем найти, да? Самой волшебной красоты. И принесём их к памятнику... помнишь, около которого горит огонь? Ты ещё спрашивала меня, может ли он когда-нибудь погаснуть, помнишь?

Нюша молча кивнула.

— Он не может погаснуть, никогда-никогда. Он горит, пока мы помним Ваню. И других солдат. Поэтому он и не гаснет, понимаешь?

Нюша посмотрела на маму. И на бабу Лиду, которая внимательно смотрела на них обеих, и вокруг глаз её собралось много-много добрых мелких морщинок. И на Ивана с Аннушкой, которые всё ещё стояли у неё перед глазами.

— Глупости я у тебя спрашивала,— прошептала Нюша, сглотнув слёзы.— Я просто маленькая была, и поэтому... Не может он погаснуть, ну совершенно же никак не может!..